

ШЕСТЬ ЗИМНИХ НОЧЕЙ

Кэти Астэр, Лизз Демаро,
Мария Покусаева, Надя Сова,
Кристина Той, Владимир Торин

рассказы

МИОО

Кэти Астэр
Мария Николаевна Покусаева
Надя Сова
Кристина Той
Владимир Витальевич Торин
Лизз Демаро
Шесть зимних ночей
Серия «МИФ Проза»
Серия «Романы МИФ.
Прекрасные мгновения жизни»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70107574

*Шесть зимних ночей / Кэти Астэр, Лизз Демаро, Мария Покусаева,
Надя Сова [и др.]. : Манн, Иванов и Фербер; Москва; 2024
ISBN 978-5-00214-354-2*

Аннотация

Шесть зимних ночей – и шесть рассказов, по одному на каждую, уютных и жутких, сказочных и пугающих. О юном коридорном, спасающем город и Новый год; о сестрах, в груди у которых быются слишком разные сердца – ледяное, словно зима,

и жаркое, словно лето; о древних чудовищах и юных ведьмах; о многом другом – и в первую очередь о людях, остающихся людьми в самые долгие зимние ночи.

Для кого эта книга

Для читателей, которые любят мистические, таинственные и сказочные истории.

Для тех, кто ищет идеальную книгу в подарок на Новый год для своих близких.

Содержание

Владимир Торин. Мистер Ворончик
Конец ознакомительного фрагмента.

7
37

Шесть зимних ночей

Сборник рассказов

Авторы:

Кэти Астэр, Лизз Демаро, Мария Покусаева, Надя Сова,
Кристина Той, Владимир Торин

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Кэти Астэр, Лизз Демаро, Мария Покусаева, Надя Сова, Кристина Той, Владимир Торин, 2024

© Оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2024

* * *

Владимир Торин. Мистер Ворончик

Старая гостиница «Габенн» на Чемоданной площади обычно была местом тихим, сонным и довольно тоскливым, но только не сегодня. В тесных коридорчиках то и дело хлопали двери номеров, на лестнице звучал топот, а на стене за стойкой портье постоянно трезвонили колокольчики.

– Коридорный! – раздавалось тут и там. – Коридорный! Кориδο-о-орный!

Юный коридорный Томас Гаррет, младший сын господина Гаррета, хозяина гостиницы, пытался попасть в свою комнату уже почти час, и ему все не удавалось это сделать.

У него было очень срочное и важное дело, но что значат твои личные дела, когда ты простой коридорный. Едва ли не каждый встреченный им по пути постоялец считал сво-

им долгом выдать ему какое-нибудь задание и не отпускал от себя до тех пор, пока Томас его не исполнит.

– Коридорный! – Мистер Родберд из второго номера ткнул в руки Томаса очередную, уже восьмую за сегодня, пару туфель. – Почистите их! Да побыстрее. Что? Никакая из предыдущих семи пар не подходит! Мои ноги вечером должны блистать!

– Коридорный! – Миссис Тарт из шестого номера всучила Томасу перемотанную ленточкой стопку открыток высотой с самого Томаса. – Нужно разослать их как можно скорее! И это еще не все – у меня тут два чемодана открыток! Да будет вам известно, многие в этом городе ждут от меня поздравление!

– Коридорный! – Мистер Порингтон из семнадцатого выскочил прямо на лестницу с таким видом, как будто близится конец света и он сам по неосторожности его спровоцировал. – У меня распрямылся ус! Нужно срочно исправить это безобразие и завить его обратно!

– Коридорный! – Молодая писательница мисс Уинспилл из двенадцатого номера продемонстрировала Томасу свои опухшие красные пальцы. – Мне нужна ваша помощь! Я заканчиваю последнюю главу романа, а пальцы болят стучать по клавишам машинки! Будете печатать под диктовку. Как у вас обстоит дело с длинными словами вроде «гиппопотомонстросескипедалофобия»? Что? Конечно, такое слово существует! Оно означает боязнь длинных слов...

– Коридорный! – Скользящий тип мистер Спилли из двадцать первого едва ли не силой затащил Томаса в свой номер. – Возмутительно! Сюда не подведен лифт для еды! Мне нужны пути отступления! Зачем мне пути отступления? Не ваше дело! Тащите веревку – вывешу ее в окно! Это лучше, чем ничего...

Томас пытался объяснять, что торопится, что его очень ждут, но никто не слушал. Требования! Поручения! Задания!

Исполняя все эти порой абсурдные капризы, коридорный с головы до ног промок; его бордовый мундирчик уже давно сидел вкривь, очки в круглой оправе на носу запотели, а волосы под форменной шапочкой разлохматились и превратились в некое подобие старой щетки.

Сильнее всего его раздражали, впрочем, даже не постояльцы, а то, что в гостинице было еще два коридорных, к которым можно обратиться. На Уинслоу, правда, вообще не стоило полагаться, а Фредди, старший брат Томаса, изобрел замечательный способ, как избегать обременительных забот: «Простыть мьеня, мьистер! – отвечал он на какую-нибудь просьбу постояльца. – Я не говорить на ваш язык и не понимайт ни слова! Но мой брат Томас знать все языки, спросить у него...» Как ни странно, это срабатывало, хоть отец и обещал Фредди, что оторвет ему уши, если тот не оставит свои шуточки. Несмотря на это, Фредди пользовался тем, что отец занят за стойкой, и навесил тяжеленный

мешок, полный постояльцев, на хрупкие плечи брата.

Еще вчера скучные и похожие на лунатиков обитатели номеров вдруг превратились в нервных и дерганных чудаков, и в этом, по правде, не было ничего удивительного – до Нового года оставалось всего несколько часов.

Гостиница наполнилась нетерпением и волнением, шли последние приготовления. В коридорах витали запахи хвои и душистого грога, с кухни тянуло ароматом запекаемого гуся. Повсюду горел свет – по случаю праздника все плафоны газовых рожков почистили, и это место, избавившись от темных мрачных углов, вдруг перестало быть собой – тоскливой гостиницей, куда почтенных джентльменов и дам не заманишь даже посулами низких цен на номера (что было неправдой) и, само собой, исполнительных коридорных (отчасти правда)...

Разобравшись с поручением четы Чарвей из тринадцатого номера (перепеленать их сынишку Маттиаса, что, к своему огорчению, коридорный делал с момента, как они въехали), Томас уже двинулся было к двери своей комнатки, сжимая в руке продолговатый бумажный сверток, когда вдруг кое-что в Газетной гостиной привлекло его внимание.

В гостиной близость Нового года ощущалась сильнее всего. Горел камин, по радиофору шла праздничная передача. В центре гостиной стояла высокая разлапистая ель, на которую Фредди, долговязый и тощий, со скошенной набок шапочкой коридорного, лениво надевал игрушки. На диванчи-

ках у стен сидели некоторые из постояльцев: кто-то читал газету, кто-то потягивал грог, а кто-то обсуждал с соседом новости – в «Сплетне» писали, что сани Человека-в-красном видели в городе.

Но все это Томаса сейчас не заботило.

В кресле у окна сидел мистер Тёрнхилл из восьмого номера. Это был старик лет семидесяти с узким сероватым лицом, клочковатыми, похожими на драный войлок бакенбардами и такими мохнатыми бровями, что в них, как в лесу, запросто мог поселиться волк и заблудиться девочка в красном капюшоне с пелериной.

Мистер Тёрнхилл Томасу нравился. Добрый, приветливый, общительный – такие господа нечасто сходят с поезда в Габене. Вместе со своим чемоданом, сшитым из лоскутов, он появился на пороге гостиницы месяц назад, с первым снегом. Сразу же сказал, что является представителем старой, почти забытой профессии путешественников и попросил номер с окном, выходящим на север. Постояльцем он был тихим, нетребовательным, но Томас сразу понял, что джентльмен это очень таинственный. А еще старика мучило горе, похожее на болезнь. Позже он признался, что потерял кое-что здесь, на вокзале, – чувство потери было не излечить никакими пилюлями, и порой мистер Тёрнхилл впадал в меланхоличное и подавленное состояние.

Сейчас старик как раз в нем и пребывал – казалось, он единственный, кто не ждет праздника. С тоской и безраз-

личием мистер Тёрнхилл смотрел на идущий за окном снег и каждый раз вздрагивал, когда ветер начинал выть в дымоходе.

Томас направился напрямиком к нему.

– Мистер Тёрнхилл, – сказал он, подходя, – у вас все хорошо?

Вопрос был странным, ведь Томас знал, что у него не все хорошо.

Старик медленно повернул к нему голову. Его серые глаза были полны печали.

– У меня все хорошо, Томас, благодарю вас.

– Может быть, вам что-то нужно? Я могу принести вам грога...

– Не нужно, благодарю, Томас. Вы очень добры. Хотя... скажите, почтальон мне ничего не приносил?

Томас покачал головой, и старик снова отвернулся.

– Я так и думал, – едва слышно произнес он. – Чуда не случится...

– Не огорчайтесь раньше времени, мистер Тёрнхилл. До полуночи есть время, а Человек-в-красном...

– Человек-в-красном слишком занят, чтобы навещать какого-то бездомного старика, молодой человек. Да и существует ли он на самом деле?

– Конечно, существует, – убежденно сказал Томас. – У него и правда сейчас очень много дел, но я уверен, что он ответит на ваше письмо.

– Мое письмо... – проворчал старик. – Я жалею, что поддался на ваши уговоры, Томас, и написал ему. Не стоило... не стоило даже надеяться. Я не заслуживаю чуда...

– Заслуживаете, – возразил Томас. – Все заслуживают чуда. А когда еще чудесам сбываться, как не на Новый год. Верьте, мистер Тёрнхилл. Просто верьте! Я убежден, что ваше желание сбудется – просто подождите немного...

Мистер Тёрнхилл опустил голову на грудь и беззвучно заплакал. Томас, неловко потоптавшись у его кресла, решил, что лучше оставить старика в покое.

Он направился к выходу из Газетной гостиной, но покинуть ее не успел. Его схватили за шиворот, а затем затащили за елку.

– Пусти! Пусти, Фредди!

Фредди отпустил Томаса, и тот, гневно глядя на брата, подтянул свой бордовый мундирчик.

– Что тебе было нужно от этого спятившего старика? – спросил брат с подозрением. – Это как-то связано с тем, что ты последние два дня куда-то сбегаешь из гостиницы?

– Ничего он не спятивший, Фредди! – возмущенно ответил Томас. – Он просто очень одинокий и несчастный...

Фредди усмехнулся, продемонстрировав настолько широкую щель между передними зубами, что в нее могла пробраться и мышь.

– Еще как спятивший, – сказал он. – Ты слышал, что он рассказывает? Будто его в детстве похитил Крампус, а брат

якобы спас его. Все как в новогодней пьеске.

– Я ему верю.

– Тогда ты болван, Томми. – Брат прищурился. – Но я знаю, что ты что-то задумал.

– Задумал?

Томас поправил очки. Все это было крайне не вовремя. Фредди всегда только и ждал, чтобы устроить какую-нибудь пакость – если он пронюхал о том, что Томас скрывал, бед не оберешься...

– У тебя какая-то тайна, – с важным видом сказал брат. – Я видел, как ты ходил на вокзал вчера, а потом якобы помогал выселившейся мадам Поркард донести ее багаж до трамвайной станции и сам сел на трамвай. Куда ты ездил?

– Нужно было помочь мадам донести багаж до дома ее кузины. У нее были очень тяжелые чемоданы...

– Ну ты и врун, Томми. Я тебя хорошо знаю и сразу вижу, когда ты что-то скрываешь. Думаю, отцу будет любопытно узнать...

– Не говори ему ничего! – испуганно прошептал Томас, и Фредди самодовольно осклабился.

– Вот видишь! Рассказывай...

– Не сейчас, Фредди. Я тороплюсь. Я все тебе расскажу. Только потом. Ты же знаешь, что я все тебе рассказываю.

– Куда это ты так торопишься?

– Нужно отнести это новому постояльцу, – сказал Томас, продемонстрировав свой сверток. – Он и так меня заждал-

ся...

– Новый постоялец? Гм... Сегодня ведь никто не вселялся. Ты снова скрытничаешь, но я слежу за тобой, Томми, меня не проведешь.

Под пристальным взглядом брата Томас выскользнул из Газетной гостиной и ринулся по коридору. Кое в чем он не солгал – новый «постоялец» действительно ждал этот сверток, а он, Томас, и так слишком задержался. Оставалось надеяться, что «постоялец» проявит терпение, хотя, зная этого господина, Томас боялся, что «нерасторопного коридорного» ждет целая буря возмущения и негодования из-за задержки. Он ведь сказал ему, что скоро придет...

«Только бы этот тип не сожрал мои рисунки или карандаши, – испуганно подумал Томас. – Я потратил на них все, что оставалось от чаевых...»

Добравшись до своей комнатки у лестницы, он затаил дыхание и открыл дверь.

– Прощу прощения, – начал коридорный, переступив порог. – Я знаю, что меня долго не было, но...

Томас оборвал себя на полуслове. Комнатка была пуста. Его рисунки – угольные бабочки и кривоватые портреты некоей мисс, сделанные прямо на страничках старых газет, – как и прежде, висели на стене, закрепленные булавками. Карандаши на тумбочке также были на месте, а вот «постоялец» в комнатке отсутствовал. И хуже всего – на полу у кровати валялась сорванная с уже упакованного подарка обер-

точная бумага; рядом в беспорядке лежали ленты.

Подарок – очень важный подарок! – исчез!

И тут где-то на этаж ниже раздался дикий женский визг.

Томас выскочил из комнаты и с отчаянием схватился за голову.

В ней пронеслась мысль:

«Что я наделал?! Зачем привел его сюда! Отец точно меня убьет!»

...А еще час назад все шло своим чередом, все было тихо и спокойно – по меркам гостиницы незадолго до Нового года, разумеется. Постояльцы готовились к празднику, и никакая мисс пока даже не догадывалась, что скоро завизжит, как будто ей защемило пальцы в мышеловке.

– Томас! – раздалось от стойки регистрации.

Томас не услышал.

Он замороженно глядел в окно на Чемоданную площадь. Прежде на его памяти она не была такой красивой – сейчас картина за окном походила на праздничную открытку. Обычно хмурые, затянутые дымом и гарью привокзальные кварталы укутались в белое пуховое одеяло, в воздухе парили снежинки, и меж ними проглядывали огоньки – десятки разбросанных по всей площади рыжих огоньков. Они таинственно мерцали и порой будто бы подмигивали.

Площадь тонула в предпраздничной суете. Из здания вокзала выходили приезжие с чемоданами, они поспешно за-

бирались в кэбы на станции или в ожидавший их трамвай, а кто-то вливался в толпу прохожих. Пришвартованный в центре площади дирижабль «Бреннелинг» сегодня больше никуда отправляться не собирался – погода была нелетной: к вечеру ожидалась метель.

Экипажи гудели и клаксонировали, а прохожие сновали по тротуарам, торопясь поскорее попасть домой и совсем не обращая внимания на стоявшего у входа в Старый пассаж Человека-в-красном. Само собой, Человек-в-красном был ненастоящим – его роль исполнял заводной автоматон в шубе и с накладной белой бородой. Механоид напоминал прохожим о том, чтобы не забыли запечь гуся, раскрасить праздничные открытки и украсить елки.

Томасу о таком напоминать не нужно было. Еще днем они с Фредди притащили в гостиницу большую елку, купленную у мистера Макфи, открытки для всех постояльцев раскрасили еще накануне, а что касается гуся, то сейчас на кухне тетушка Агнесс, должно быть, как раз его готовила. Эх, поскорее бы его попробовать... Чем ближе был праздник, тем медленнее тянулось время...

– Томас! – прозвучало вновь, и коридорный вздрогнул так, что его очки сползли на кончик носа.

– Да, отец, – сказал он, повернувшись.

Господин Гаррет, обладатель пышных бакенбард, плавно переходящих в усы, и бордового (под цвет обстановки и формы коридорных) твидового костюма, хмуро глядел на сына.

– Ты снова замечтался! – осуждающе воскликнул он, достав из жилетного кармашка одни из своих шести часов на цепочках (все его часы показывали разное время, и только господин Гаррет понимал, какое именно какие из них показывают). – Сейчас не время мечтать – у нас полно забот!

– Когда еще мечтать, если не сейчас? – возразил Томас. – Новый год близко...

– Не спорь со мной. Миссис Кархх из восемнадцатого номера не может разжечь камин – нужно ей помочь: мы же не хотим, чтобы она замерзла и превратилась в сосульку.

Лично Томас был бы не против такого исхода. Постоялица из восемнадцатого номера являлась худшим представителем тех, кто останавливался в гостинице. Сключная и доставучая, она вечно на что-нибудь жаловалась: то перышко вдруг закололо в подушке, то под ковром что-то завелось, то на стене от лампы появлялась пугающая тень, похожая на крысopodobного джентльмена в цилиндре... И каждый раз она звонила в звонок и вызывала коридорного. Эх, вот было бы неплохо, если бы она простояла в виде тихой спокойной, молчаливой сосульки хотя бы полчаса.

– А ты можешь послать к миссис Кархх Уинслоу?

Томас кивнул на развалившегося возле звонка на стойке и яростно облизывающего хвост толстого полосатого кота в костюме и шапочке коридорного. Услышав вопрос Томаса, кот мгновенно прекратил свое занятие и уставился на него исподлобья. На широкой усатой морде явно чита-

лось: «Сам иди к этой мерзкой старухе!»

Кот был очень ленивым – в его обязанности входило ловить гостиничных мышей, но это не мешало упомянутым мышам сновать по тесным коридорчикам и спичечным коробкам номеров с таким наглым видом, словно каждая являлась здесь вполне законной постоялицей.

– Очень смешно, Томас, – проворчал отец. – Как он разожжет камин? И еще одно: прежде, чем идти к миссис Кархх, загляни в угольный ящик – Агнесс слышала там возню. Должно быть, снова гремлин забрался.

Томас удивленно округлил глаза.

– Что гремлина там делать? В угольном ящике мог завестись только кобольд!

Отец ожидаемо тряхнул головой, как делал всегда, когда Томас его разочаровывал или огорчал.

– Кобольдов не существует, Томас. Хватит болтать о небылицах, это старикашка Тёрнхилл тебе голову задурил кобольдами всякими! Избавься от вредителя и отправляйся к миссис Кархх. Пошевеливайся!

Томас вздохнул, поправил форменную шапочку и направился к чулану в дальнем конце этажа. Достав оттуда грубые рабочие перчатки, он зажег керосиновый фонарь и вышел через заднюю дверь во двор.

Снега успело наместить столько, что пришлось пробираться к угольному ящику, утопая в нем по колено. Ветра не было – и то хорошо...

Даже с расстояния в дюжину шагов стало ясно, что в большом ржавом коробе и правда кто-то был. Ящик сотрясался, крышка, грохоча, подпрыгивала, из-под нее раздавался тоненький голосок.

– Проклятая железяка! Выпусти меня! Тебе меня не удержать!

Томас застыл. Кто бы в ящике сейчас ни сидел, это точно был не кобольд и уж точно не гремлин.

– Ну что за напасть! – продолжал возмущаться пленник. – Ну, я тебе задам, дурацкая коробка!

Томас отмер и осторожно подошел к ящику.

– Эй! Кто там внутри?!

Грюканье стихло. Как и голосок.

– Кто там внутри? – повторил Томас. – И что вы делаете в нашем угольном ящике?

– Выпусти меня! – потребовал обладатель тонкого голоса. – Если не хочешь испытать на себе мой страшный гнев!

– А вот и не выпущу! – ответил Томас. – Пока не скажете, кто вы и как туда попали.

– Ну пожа-а-алуйста, – заканючил пленник. – Я должен выбраться! Здесь очень плохо! И в нос лезет всякое... всякое... а-апчхи!

Томас сжалился, подошел и посветил себе фонарем.

– Я открываю, – сказал Томас. – Только без глупостей!

Взявшись за крышку, он осторожно приподнял ее.

Из ящика тут же вывалилось что-то странное, и коридор-

ный выпучил глаза.

В снегу копошился какой-то... человечек? Больше причудливое существо, впрочем, походило на довольно уродливую общипанную птицу. Если бы, конечно, у птиц были тощие ручонки и ножки, а также белая, как и снег кругом, кожа. На тонкой шее существа сидела совершенно лысая голова со здоровенным острым носом, двумя круглыми черными глазами и изломанной трещиной рта. Это нечто и в самом деле чем-то напоминало гремлина.

– Ты... кто? – потрясенно спросил Томас, глядя, как существо сунуло нос в снег, пытаясь очистить его от угольной пыли.

Коротышка испуганно взвизгнул и нырнул за ящик. Оттуда тут же раздалось:

– А-апчхи!

Подняв повыше фонарь, Томас заглянул за ящик. Там уже никого не было.

– А ты кто? – прозвучало за спиной.

Томас резко обернулся. Из снега торчала голова коротышки. Взгляд черных глаз сверлил коридорного.

– Что это за глупая шапка? – спросило существо, и Томас непроизвольно прикоснулся к шапочке.

– Я Томас. – Он кивнул на заднюю дверь. – Служу коридорным в отцовской гостинице.

– Что такое «гостиница»? – с любопытством спросил коротышка, и Томас даже не поверил своим ушам: как такого

можно не знать?!

– Гостиница – это место, в котором селятся приезжие.

– Приезжие?

– Люди с чемоданами.

Из снега вылезла ручонка, и коротышка задумчиво почесал острыми когтями кончик носа.

– Не люблю чемоданы. И людишек не люблю. Они все подлые и мерзкие. Кроме Зои. Зои хорошая, она со мной разговаривала и рассказывала мне сказки, но ее папаша много лет держал меня в коробке. Он злобный и коварный! Заманил меня рыбой и поймал! А потом запер!

– Мне очень жаль.

– А потом я освободился. Сам! И без чьей-то помощи! Проявил чудеса ловкости – я вообще очень ловкий, – подумав, существо добавило: – и ужасный! Я – худшее бедствие, какое когда-либо приключалось! Я... я... а-апчхи!

Томас улыбнулся. Угрожающим «худшее бедствие» упрямо не желало выглядеть. А еще в его словах явно слышалось неприкрытое хвастовство.

– Как тебя зовут? – спросил Томас.

Коротышка сморщил нос и нырнул в снег, а потом выскочил наружу и по-кошачьи запрыгнул на крышку угольного ящика. После чего встал во весь свой крошечный рост и, горделиво вскинув голову, продекламировал:

– Скоро все узнают мое имя! Мое ужасное имя, которое несет гибель и разрушения! Я – рок, посланный разрушить

этот гадкий город!

Если существо и пыталось напугать Томаса, у него ничего не вышло. Оно выглядело крайне нелепо и очень забавно.

– Так как тебя зовут?

– Мистер Ворончик, – наконец представился коротышка.

Томас не смог сдержать снисходительную улыбку.

– Как ты оказался в угольном ящике, Ворончик?

Коротышка приуныл.

– Я бродил по городу, и меня сюда привел запах рыбы. Очень вкусный запах! Я забрался на ящик и провалился. Подлый ящик! – Он топнул, и крышка отозвалась лязгом. – Очень есть хочется...

Томас пожалел маленького хвастуна. Тот вдруг показался ему таким опустошенным и беспомощным, что ему неожиданно стало грустно.

– Наверное, ты учуял рыбу, которую готовит к праздничному ужину тетушка Агнесс. Если хочешь, Ворончик, я принесу тебе одну.

– Хочу две. Мне нужны силы, чтобы разрушить город.

Томас усмехнулся.

– Ладно, я попробую стащить две. Жди здесь...

– Не хочу здесь. Мне здесь не нравится.

– Ах да, – кивнул Томас. – Ты, наверное, совсем замерз.

Ворончик возмутился:

– Что? Нет! Я люблю снег! Просто обожаю! Мне *здесь* не нравится – дыра какая-то.

Томас даже обиделся.

– Ну, ваша светлость, не окажете ли мне честь занять шикарный номер, пока ждете свой великолепный ужин?

Ворончик иронии не уловил и с радостным видом закивал. Томас вздохнул – его вдруг посетила мысль, что он сильно пожалеет о том, что собирался сказать, и все же произнес:

– Ладно, пойдем. Только смотри, чтобы тебя никто не увидел...

Ворончик широко и довольно жутко улыбнулся.

– Я сама незаметность. Никто даже не догадается, что я здесь...

... Что ж, как вскоре выяснилось, незаметность Ворончика была сильно преувеличенной.

Томас бросился на визг с мыслью: «Кажется, этот мелкий пройдоха решил начать разрушение города, о котором говорил, с нашей гостиницы!»

Визжала миссис Бонавентур из седьмого номера. Когда Томас вбежал к ней, мадам стояла на собственной кровати, придерживая подол платья. В воздухе висели облака пудры, по всему номеру валялись разбросанные вещи постояльцы. Мадам Бонавентур была актрисой и прибыла в Габен в надежде устроиться в один из местных театров, поэтому ее багаж составляли по большей части сценические костюмы и реквизит – повсюду на полу лежали боа, веера, зонтики и платья под различные амплуа.

– Мадам, что случилось?! – воскликнул Томас.

– Крыса-переросток! – драматично воскликнула миссис Бонавентур, старательно переигрывая. – Я зашла в номер после чаепития, а она была здесь и копалась в моих вещах! Эта уродливая мерзость стащила мою ночную рубашку!

– Вашу... гм... ночную рубашку?

– Да! Любимую рубашку – белую, с перьевым воротником!

– Куда она побежала?

– Ночная рубашка?

– Крыса-переросток, мадам!

Постоялица вытянула руку и ткнула ею, указывая на дверь.

Томас выбежал из номера и под разразившийся с подмостков кровати трагичный театральный монолог помчался по коридору.

На лестнице, что вела вверх, он увидел ночную рубашку мадам Бонавентур – она лежала на ступенях, похожая на призрака, который вдруг устал и решил прилечь отдохнуть.

Томас уже наклонился, чтобы поднять ее, как этажом выше раздался жуткий грохот. За ним последовали крики – кричали джентльмены.

Взбежав по лестнице, Томас остановился в коридорчике и распахнул рот, потрясенный открывшейся ему картиной.

На боку лежал большой кофейный варитель, который они

с братом обычно возили от номера к номеру. Медный аппарат покачивался в густой туче пара, его три колесика поворачивались, а из раскрытой емкости для кофе выливалась горячая черная жижа. Лужа на ковре все увеличивалась, постепенно затягивая весь этаж и подбираясь к лестнице...

В коридоре было двое постояльцев, мистер Пьюди из одиннадцатого номера и мистер Тренкель из четырнадцатого. Оба прикидывались цирковыми мартышками и, боясь замочить туфли или и вовсе утонуть в кофе, висели на стене, держась побелевшими пальцами за газовые рожки. В черной луже лежали оброненные трости обоих джентльменов.

Увидев коридорного, постояльцы тут же заголосили.

– Здесь греmlin! Напудренный греmlin! – вопил один.

– Бледный, как моя покойная бабушка! – вторил ему второй.

– Куда он делся?

Головы постояльцев одновременно повернулись к окошку в тупике коридора. Оно было открыто, и на этаж залетал снег.

«Сбежал? Он сбежал?!» – подумал Томас. Коридорный не знал, радоваться ему или огорчаться. С одной стороны, виновник бедлама покинул гостиницу, но с другой... он прихватил и подарок! Такой важный подарок!

И тут прогремел выстрел. Томас дернулся и вжался в стену. Оба постояльца от неожиданности и страха разжали пальцы и плюхнулись в лужу, подняв фонтаны черных брызг,

а затем с воем разбежались по своим номерам.

Раздался второй выстрел, и Томас бросился туда, откуда он звучал. Дверь номера мистера Спилли этажом ниже была открыта. Сам постоялец прятался за стулом, дуло револьвера, который мистер Спилли сжимал в руке, дымилось.

– Вы стреляли! – воскликнул Томас. – В гостинице нельзя стрелять!

– Мне плевать! – рявкнул мистер Спилли. – Я так и знал, что они меня здесь найдут!

– Кто?!

– Свечники, разве не ясно? Я здорово им насолил, и вот они подослали ко мне убийцу...

– Убийцу? – с сомнением спросил Томас.

– Да. Лучшего убийцу в городе! Карлика по прозвищу Замочная Скважина! Он такой мелкий, что пролезет в любую щель. Он забрался по веревке в окно и пытался напасть, но я был начеку! Я точно задел его! Ха! В его шкуре появилась новая дырка! Будет знать, как связываться с Робертом Удавочником Спилли!

– Где он сейчас?

Мистер Спилли ткнул револьвером в чернеющую трубу воздуховода под потолком, рядом с которой на одном гвозде висела, покачиваясь, витая решетка.

– Сейчас он может быть где угодно... – сказал постоялец.

До слуха Томаса донесся гул. Посвистывающий гул, перемежающийся лязгом и скрежетом. Коридорный знал эти

звуки с детства.

– Это не убийца, сэр! Уберите револьвер немедленно, пока мой отец не потребовал сдать ключ от номера!

Томас ринулся по коридору к лестнице.

Из всех комнат, мимо которых он пробежал, раздавался звон колокольчиков, некоторые двери открылись, из-за них выглядывали недоуменные и испуганные постояльцы – все желали знать, что происходит.

Спустившись на первый этаж, Томас подбежал к стоявшему у двери кладовки Забытых вещей чистильному шкафу. Кабинка, в которой обитатели гостиницы могли почистить свои костюмы, дрожала и тряслась. Лязг механизмов заполнил все кругом...

Сжав зубы, Томас распахнул дверь.

– Попался!

Чистильный шкаф был пуст. Вращались щетки на подвижных механизмах, охаживая старый деревянный манекен, и все... беглеца внутри не наблюдалось.

– Томас! – прозвучало яростное от входной двери, и коридорный похолодел.

Повернув голову, он увидел отца. Тот стоял у порога в наброшенном на плечи пальто и сжимал в руках коробку, полную писем, – должно быть, выходил встречать почтальона.

– Что здесь творится, Томас?!

Коридорный дернул рычажок, и шкаф выключился.

– Я слышал выстрелы и крики, – продолжил отец. – Ни на

секунду нельзя отлучиться! Что творится в моей гостинице, хотел бы я знать?!

Томас не нашел ничего лучше, как солгать, хотя это вряд ли помогло бы ему сейчас избежать отцовского гнева.

– Это греmlin из угольного ящика, – сказал он. – Коротышка... я пытался его поймать, но он проскользнул в гостиницу.

– Греmlin?! И как ты его упустил?! Тебе даже такое простое поручение нельзя доверить!

Томас застыл.

– Отец...

– Не желаю ничего слушать!

– Отец! – воскликнул Томас. – Ты слышишь?!

Господин Гаррет прислушался. Откуда-то неподалеку раздавался приглушенный вой. Озадаченный, тоскливый и весьма оскорбленный вой...

– Это Уинслоу! – догадался Томас. – Звук идет... отсюда...

На ржавой бронзовой тележке у лестницы стопкой стояло несколько чемоданов. Вой доносился откуда-то оттуда.

Отец подошел и, поставив на стойку коробку, гневно взглянул на сына. Тот понял этот взгляд и поспешно открыл верхний чемодан. Пусто... За первым последовали и второй, третий, четвертый... Уинслоу нигде не было, а вой все звучал.

Наконец, открыв последний, самый нижний чемодан, Томас обнаружил бедолагу Уинслоу. Кот глядел на него гро-

мадными испуганными глазами, хвост его торчал трубой, а шерсть стояла дыбом. Почти сразу, как крышка поднялась, Уинслоу выпрыгнул из чемодана и нырнул за стойку.

– Гремлин запер его в чемодане? – недоверчиво спросил отец. – Как это возможно?

Томас не успел ответить.

– Эй, что за кавардак?! – На первый этаж с лестницы выглянул Фредди. – В гостиницу снова появились головорезы, пришедшие по душу Томми?

– Это не головорезы, молодой человек, – прозвучало хрипкое за спиной Фредди, и тот, лишь заслышав этот голос, едва не свалился с лестницы.

К стойке медленно и величественно спустилась миссис Кархх из восемнадцатого номера.

– Я видела того, кто учинил весь этот беспорядок, господин Гаррет, – сказала старуха.

– Гремлин из угольного ящика, – кивнул хозяин гостиницы.

– Нет, это не гремлин. Это был гоблин-белсникель из свиты Крампуса. Он пришел, чтобы испортить Новый год.

Тут даже господин Гаррет не выдержал:

– Мадам, что за чушь вы...

– Где он, миссис Кархх? – прервал отца Томас. – Вы сказали, что видели его. Где и когда?

– Только что. Я видела, как он забежал в Газетную гостиную.

Томас и Фредди переглянулись и бросились туда.

Старуха сказала правду. Белсникель был в гостиной. Стоял перед украшенной елкой и потрясенно глядел на нее, зажав голову. Под мышкой он сжимал подарок, который стащил из комнаты Томаса, – стеклянный снежный шар.

Услышав шаги, Ворончик обернулся и попятился. Глянув на Томаса, он чуть склонил голову набок и высунул длинный черный язык, а затем снова повернулся к елке.

Томас и Фредди одновременно поняли, что сейчас произойдет.

– Нет, нет, нет! Не делай этого! – закричали они, не сговариваясь, и бросились к коротышке, но было поздно.

Ворончик запрыгнул на елку и покарабкался по ней. Закачались ветви, зазвенели развешанные на ниточках игрушки. Елка начала крениться...

– Держи ее, Фредди! – воскликнул Томас.

Фредди неловко выставил руки, пытаясь удержать заваливающуюся елку, но не смог, и та рухнула прямо на него.

Томас успел отскочить в последний момент. Красавица-елка лежала на полу, из-под нее раздавалась ругань Фредди, некоторые игрушки превратились в уродливые стеклянные осколки. Гоблин-белсникель из свиты Крампуса добился своего – испортил праздник.

К слову, сам он непринужденно, словно не натворил бед, высунул нос из колючей зеленой хвои и чихнул.

Томас прыгнул к нему, сунул руку в ветви и, схватив ко-

ротышку за ногу, выдернул его наружу. После чего отобрал снежный шар (повезло еще, что он был цел) и потащил Ворончика к выходу из гостиной.

Вслед ему раздался голос старого мистера Тёрнхилла, который ошарашенно наблюдал за всей сценой из своего кресла у окна:

– Это же... это не-птица... в Габене! Подумать только!..

Томас спустился с вырывающимся и пронзительно верещащим Ворончиком на первый этаж.

– Избавься от него! – с отвращением воскликнул отец, увидев «гремлина». – Унеси его прочь отсюда!

Томас вытащил Ворончика во двор и, быстро преодолев сугробы, добрался до угольного ящика. Открыв крышку, он засунул коротышку внутрь и захлопнул ее. После чего для надежности взгромоздил сверху стоявшую тут же коробку, полную старых сломанных часов.

– Нет! – заголосил Ворончик. – Только не ящик! Только не снова!

– Ты заслужил, – безжалостно сказал Томас. – Какой кавардак ты устроил! Поставил на уши всю гостиницу, переполюшил постояльцев... перевернул елку!

– Я больше не буду! Выпусти меня! Выпусти!

Томас не слушал.

– Говорил же мне отец: «Твоя доверчивость тебя до добра не доведет, Томас...» Но я его не слушаю и вечно во что-то влипаю. Вот, пожалел «маленького несчастного» Ворончика,

и чем это обернулось? Сам впустил в гостиницу белсникеля из свиты Крампуса, который собрался испортить праздник!

– Никакая я не белка! – возмущенно ответил Ворончик. – Я и не думал портить праздник. Это слишком мелко – мои планы намного масштабнее...

– Да, я помню: разрушить город, – раздраженно сказал Томас. – И что тебе этот город сделал?

Ворончик ответил не сразу.

– Уже не помню, – прозвучало из ящика. – Меня давно сюда отправили с заданием разрушить город, но, как только я здесь оказался, профессор Гримм схватил меня и запер в коробке. Но теперь я не в коробке, я выбрался, и ничто меня не остановит!

– Кроме этого ящика, – веско заметил Томас. – Если ты не белсникель и не собирался портить праздник, то зачем ты учинил этот разгром?

Ворончик поскреб изнутри стенку угольного ящика и жалобно всхлипнул. Томас едва сдержал себя, чтобы не выпустить маленького пройдоху.

– Я ждал в комнате свою рыбу, – едва не плача, сказал Ворончик. – Мне стало скучно, и я нашел эту штуку – она мне понравилась. Там снег внутри живет! Я с ней поиграл немного, а потом еще сильнее проголодался. Тебя все не было. Ну, я и пошел поискать еды. А потом какая-то злая дамочка обсыпала меня пудрой и попыталась поймать в ночную рубашку – я испугался и убежал. В коридоре на меня напали два

каких-то типа, а я просто спросил, не найдется ли у них рыбешки! Они сразу же начали обзывать и попытались побить меня своими тростями. Один из них задел жуткую механическую штуковину, она перевернулась и затопила коридорчик горячей вонючей смолой. Пришлось спасаться бегством, пока я в ней не утонул. Выбравшись в одно окно, я забрался в другое. А там был какой-то хмырь с револьвером – он хотел меня подстрелить! Вообще-то, мне чудом удалось ускользнуть. А потом на меня напало очень мерзкое существо с хвостом! Это была драка, о которой сложат легенды! И я победил! Засунув мерзкое существо в чемодан, я побежал вверх и попал в замечательное место, и там было это дерево! Прекрасное дерево! На нем висели все эти прелестные штучки... прямо как на Крайвенгроу, празднике Снежной бури...

– Зачем ты полез на елку?

– Ты злился на Ворончика! Я испугался. Я не думал, что она упадет... Ты так и не принес мне поесть... где моя рыба? Две!

Томас даже распахнул рот от подобной наглости. Ну, это же мистер Ворончик – чего еще ожидать...

– Ты будешь меня выпускать? Мне здесь снова надоело.

Хороший это был вопрос. Признаться, Томас не знал, что делать со своим пленником: держать его в угольном ящике вечно он не мог, но и выпускать такое непредсказуемое существо было рискованно.

Ворончик будто уловил сомнения коридорного.

– Ну выпусти меня! – попросил он. – Я не буду разрушать гостиницу и портить праздник. Обещаю. Если только они не станут меня обзывать и лупить тростью. Я хочу есть... и хочу обратно свой стеклянный снежный шарик.

– Что?! – возмутился Томас. – Это не твой шарик! Это подарок на Новый год.

– Верно. Мне подарок.

– Не тебе! Это подарок... – Томас запнулся и понизил голос: – Это подарок для мистера Тёрнхилла. Он ему нужен. Этот шарик и так принадлежит ему. Ты даже представить не можешь, Ворончик, чего мне стоило его разыскать...

– Не понимаю. Зачем кому-то что-то дарить, если это что-то и так ему принадлежит.

Томас глянул на шарик. Это было настоящее произведение игрушечного искусства. Внутри находился крошечный городок, очень похожий на старый уютный Габен. Внизу к шару крепилась золоченая подставка, в которой чернела замочная скважина.

– Этот шар когда-то сделал для мистера Тёрнхилла его старший брат – и это единственное, что у старика от него осталось. Мистер Тёрнхилл потерял его на вокзале, когда прибыл в город. Он обыскал весь поезд, обыскал зал ожидания и даже Чемоданную площадь, но так его и не нашел. В Бюро пропавших вещей между тем ему сказали, что никакой шар туда не приносили...

— А ты его нашел? Где же он был?

— Одно время он был в Бюро пропавших вещей. Его туда принесла некая мисс, полагая, что потерявший шар человек будет горевать о пропаже и непременно захочет ее вернуть.

— Но ты сказал...

— Да, мистера Тёрнхилла заверили, что шар туда не поступал, но я хорошо знаю миссис Громбилль, которая заведует находками, а еще я знаю вокзал. Если что-то потерялось, оно непременно рано или поздно окажется у миссис Громбилль. У нас в гостинице тоже есть место, где хранятся вещи, оставленные и забытые постояльцами. Отец все норовит отдать содержимое кладовки старьевщику, но у него никак не доходят до этого руки. Там много полезного. К примеру, очень старая граммофонная пластинка с романсом Монтегомери Мо, а миссис Громбилль из Бюро потерянных вещей обожает старые романсы. Я отдал ей пластинку, и она так расчувствовалась, что призналась: ей приносили снежный шар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.